

Е. А. Нахимова
Екатеринбург, Россия

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА
МЕТАФОРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В современной российской политической коммуникации выделены доминантные смысловые сферы, к которым относятся метафоры-неологизмы (экономика, политика и государственное управление, журналистика, криминал, массовая культура). Зафиксировано значительное снижение количества метафор-неологизмов, которые восходят к текстам художественной литературы.

Ключевые слова: метафора; исторические изменения; неологизмы; архаизмы; имя собственное; начало XXI века.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

E. A. Nakhimova
Ekaterinburg, Russia

**HISTORICAL DYNAMICS
OF PRECEDENT NAMES'
METAPHORIC ACTIVITY
IN POLITICAL COMMUNICATION**

Код ВАК 10.02.19

Abstract. We highlight dominant semantic spheres that serve as a source of metaphoric neologisms in Russian political communication. Such spheres include economics, politics and governance, journalism, crime, mass culture. We have found out that metaphoric neologisms borrowed from fiction are greatly reduced in number.

Key words: metaphor; historical changes; neologisms; archaisms; proper name; the beginning of the XXI c.

About the author: Nakhimova Elena Anatolievna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Историческая динамика лексических систем – это универсальная закономерность, давно и тщательно изученная на материале самых различных языков. При конкретном описании словарного состава каждого естественного языка последовательно выделяются архаизмы и историзмы, неологизмы и окказионализмы.

Для нашего исследования важен тот факт, что скорость исторических изменений в различных пластах лексики может быть различной. В частности, давно замечено, что подобного рода изменения малохарактерны для числительных, для слов, обозначающих основу цветового спектра, для наименований животных и птиц, для лексики родства и свойства. С другой стороны, известно, как быстро в последнее время появляются новые названия одежды и обуви, косметики и домашней утвари и как стремительно некоторые из них становятся историзмами.

В этом контексте требует специального рассмотрения вопрос об исторической динамике метафорического использования имен собственных, о типовых источниках метафорических наименований, в основе которых лежат слова указанного разряда.

Исследования по истории и теории политической метафоры свидетельствуют о существовании в этой сфере двух противоположных тенденций. С одной стороны, на протяжении многих веков и даже столетий обнаруживается удивительная стабильность метафорических образов. Еще в середине прошлого века Майкл Осборн отмечал, что «высокая популярность архетипичных метафор представляется неизменной во все времена, при этом наблюдается сохранение предпочтительной модели и ее по-

вторение из поколения в поколение без существенных изменений» [Осборн 2008: 184; оригинал на английском языке: Osborn 1967]. На современном этапе развития науки об устойчивости концептуальных метафор в политической коммуникации, об исторических корнях большинства доминантных метафорических моделей писали Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 2004], Э. В. Будаев и А. П. Чудинов [Будаев, Чудинов 2008], а также многие иные исследователи.

Как показано в докторской диссертации Н. М. Орловой [Орлова 2010], в современных художественных текстах, созданных в различных странах, связанных с христианской культурой, обнаруживается множество прецедентных феноменов, которые восходят к Библии. Об устойчивости многих древних прецедентных концептов и их глобальном распространении пишет и Г. Г. Слышкин [Слышкин 2004].

Трудно не согласиться с приведенными высказываниями весьма авторитетных специалистов (подобные мысли высказывали и другие языковеды), при этом необходимо отметить, что степень исторической устойчивости метафор в различных разрядах и группах лексики часто оказывается неодинаковой. Существуют серьезные основания для того, чтобы считать, что метафорические значения онимов часто оказываются «недолговечными»: многие из них то стремительно получают широкую популярность, то не менее стремительно уходят из активного употребления.

Широко известные специалисты постоянно отмечают историческую динамику метафорических образов в политической коммуникации, тесную связь метафорических арсеналов с со-

циальными условиями жизни общества и господствующей идеологией. Например, еще в 1947 году Виктор Клемперер писал о том, что захват власти фашистами сопровождался существенным изменением метафорики, и выделил излюбленные образы гитлеровцев, восходящие к сферам-источникам «война» и «техника» [Клемперер 1998].

Рассматривая эту тенденцию, А. Н. Баранов пишет, что традиционный для российского политического дискурса арсенал органических метафор, который предполагал активное использование образов, восходящих к концептуальным сферам «мир растений», «мир животных» и «человек», был «заметно потеснен в советскую эпоху механистическим, рациональным способом метафорического осмысления политической реальности (метафоры машины, мотора, строительства)» [Баранов 1991: 190]. По наблюдениям А. П. Чудинова, в постсоветский период доминирующими стали метафорические модели с концептуальными векторами жестокости и агрессивности (военные и криминальные метафоры), отклонения от естественного порядка вещей (морбиальные метафоры), неправдоподобия происходящего (театральные метафоры) и материальных расчетов (финансовая метафора) [Чудинов 2001: 224–225].

Как показывают наши наблюдения, сосуществование тенденции к стабильности с тенденцией к постоянному обновлению обнаруживается и при исследовании метафорической активности прецедентных имен собственных. В сфере политической коммуникации до настоящего времени используются некоторые прецедентные имена, получившие известность еще много веков назад. Ср.:

Распределение денежных субсидий – занятие по определению муторное, поскольку отбор неизбежно субъективен, а обделенные неизбежно будут обижены. Проще всего дело раздачи грантов было поставлено при абсолютной монархии, когда Шекспир и Мольеры процветали под великодушным покровительством короля (М. Соколов // Известия. 22.09.06).

В данном контексте имена собственные Шекспир и Мольер использованы для обобщенного обозначения писателей, которые работали в эпоху абсолютизма (кстати, у нас, в отличие от журналиста Максима Соколова, нет полной уверенности в том, что британский монарх действительно покровительствовал Шекспиру и помогал ему материально).

Подобные примеры можно продолжить, обратившись и к еще более древним источникам прецедентности. Ср.:

Шолохов – русский Гомер, написавший «Илиаду» гражданской войны на юге России и «Одиссею», где русская душа безнадежно странствует в поисках родимого берега (А. Проханов // Завтра. 2005. № 21). По ее книгам археологи будущего станут судить о

нашей цивилизации. И о России. Маринина – наш будущий Гомер. И с этим ничего не поделат (А. Никонов. Наш Гомер // Story. 2010. № 3).

Можно предположить, что Гомер – это прецедентный антропоним, имеющий наиболее длительную историю существования. Еще в ранней античности на основе этого имени собственного возникло обобщенное обозначение создателя эпоса, а названия «Илиада» и «Одиссея» со временем превратились в метафорическую характеристику произведений, посвященных военным действиям или длительным путешествиям. Как показывают приведенные примеры, указанный вариант метафорического переноса обнаруживается и в современной российской политической коммуникации.

В сфере метафорического использования прецедентных имен не менее активна и противоположная тенденция – активное обновление репертуара, возникновение все новых и новых образов. Одни из них надолго остаются в риторическом арсенале политиков и журналистов, выходя тем самым за рамки породившей их эпохи и пополняя «золотой фонд» образных средств русского языка. Другие антропонимные метафоры ярко вспыхивают (обнаруживают высокую частотность, активно используются самыми различными авторами, вызывают интерес читателей, которые легко понимают смысл соответствующих аллюзий), но достаточно рано уходят из активного употребления. Уже через несколько лет такие прецедентные образы не вызывают прежнего эмоционального отклика читателей, оказываются не вполне понятными и требуют специального разъяснения.

В начале прошлого десятилетия Т. В. Шмелева предложила термин «ключевое слово текущего момента», дала ему определение (слово, оказавшееся в центре всеобщего внимания), показала, что в тот период к числу таких слов относились существительные *демократия, рынок, ваучер, август*, и продемонстрировала, что рассматриваемый статус слова оказывает влияние на его деривационные, функциональные и иные признаки [Шмелева 1993: 33–41]. Позднее состав этих признаков был несколько уточнен, и они были разделены на три группы – текстовые, лексические и грамматические [Шмелева 2009: 63].

Идея Т. В. Шмелевой об особом статусе ключевых слов текущего момента нашла широкий отклик в лингвистическом сообществе, результатом чего стал целый ряд описаний таких слов и интенсивное обсуждение их типичных признаков [Башкова 2009; Нахимова 2010]. В частности, пока не вполне ясно, как определять темпоральные границы «текущего момента», например, следует ли считать, что этот «момент» может длиться год, три года или десятилетие. Во всяком случае, ключевые для начала 90-х годов слова *ваучер* и *август* уже, несомненно, утратили свой прежний статус, не

привлекают особого всеобщего внимания и столь важные для того периода существительные *демократия* и *рынок*.

В современной науке существуют и иные термины для обозначения близких понятий. Так, В. Г. Костомаров приводит примеры слов и выражений, которые стали «ключевыми символами эпохи» [Костомаров 1997: 152], в диссертации И. Ю. Шачковой рассматривается семантика «ключевых слов эпохи» британского премьер-министра Т. Блэра [Шачкова 2008]. З. Е. Фомина описывает «слова-хронофакты», которые в советских политических текстах соответствуют определенному срезу времени – *стахановец*, *космополит*, *гласность* [Фомина 1995: 211], а Е. А. Земская, рассматривая такие слова, как *перестройка*, *приватизация*, *гласность*, говорит, что они представляют «номинативный облик эпохи» [Земская 1996]. Несколько позднее Е. И. Шейгал писала о «лексике сегодняшнего дня», относя к ней слова, связанные с политическими инициативами и кампаниями – *Карибский кризис*, *война в Чечне* [Шейгал 2004: 67].

В настоящем исследовании к числу ключевых слов текущего момента (в другой терминологии – слова-хронофакты, ключевые слова эпохи, ключевые символы эпохи, слова, определяющие номинативный облик эпохи) относятся такие, которые именно в начале нашего века проявляют значительную активность. Ее признаками являются высокая частотность, метафоризация, реализация деривационных возможностей, значительный ассоциативный фон, текстообразующий потенциал, связь с феноменами, привлекающими особый интерес социума, и др. [Земская 1996; Шейгал 2004; Шачкова 2008; Шмелева 2009].

В исследовательских целях арсенал указанных слов сопоставляется с теми смысловыми группами, которые были особенно активны в конце прошлого века (начало постсоветского периода), в годы советской власти и в досоветскую эпоху. Такая периодизация объясняется прежде всего тем, что бурные социальные потрясения закономерно приводят к существенным изменениям в функционировании прецедентных имен собственных.

Следует отметить, что Т. В. Шмелева и ее последователи до настоящего времени не рассматривали среди ключевых слов имена собственные. Это представляется не вполне справедливым. Можно предположить, что к числу ключевых слов начала нашего века относятся такие имена собственные, как *Березовский* и *Абрамович*, *Кондопога* и *Пикалево*, *Чикатило* и (майор) *Евсюков*, *Путин* и *Жириновский*. Соответственно в той или иной мере утратили свой прежний статус многие важные для советской эпохи имена. Среди них можно отметить имена героев гражданской войны (*Чапаев*, *Буденный*), борцов с немецким фашизмом (*Ковпак*, *Олего Кошевой*, *Николай Кузнецов*), летчиков и по-

лярников, прославившихся в предвоенное десятилетие (*Чкалов*, *Гризодубова*, *Папанин*, *челюскинцы*), знаменитых передовиков производства (*Стаханов*, *Валентина Гаганова* и др.), некоторых ученых (выдающийся селекционер *Мичурин*), большевистских лидеров (*Киров*, *Дзержинский*).

Можно заметить, что в последние годы к числу «ключевых слов текущего момента» уже не относятся и некоторые имена собственные, чрезвычайно активные в конце прошлого века. Особенно быстро теряют свои позиции имена политических лидеров и государственных руководителей: как показывает специальное исследование, современные студенты, как правило, уже не помнят фамилии ближайших соратников Михаила Горбачева и приближенных Бориса Ельцина, все больше стираются из сознания и имена властителей дум и духовных вождей периода распада СССР и становления России как суверенного государства [Нахимова 2006: 120–122].

Вместе с тем в арсенале прецедентных антропонимов начала нашего века по-прежнему высока частотность и метафорическая активность имен таких относящихся к советской эпохе лиц, как космонавт Юрий Гагарин, выдающиеся ученые и организаторы науки Королев и Курчатов, композитор Шостакович, маршалы Жуков и Рокоссовский, академики Павлов и Ландау. Эти люди служат своего рода эталоном высокого профессионализма и достижения выдающихся результатов в своей профессиональной сфере. Ср.:

Кто будет решать проблему нехватки энергоносителей, развития нанотехнологий? Сегодня есть новые курчатовы, новые королевы, новые цюлковские. Надо дать им возможность работать» (В. Жириновский // Комсомольская правда. 9.02.2007). *Требуется маршал Жуков для финансового фронта* (пример Т. Г. Скребцовой). *Я хочу стать нашим Юрием Гагариным!* – *Шейх Музафар Шукор будет первым астронавтом Малайзии. Он готовится к посещению МКС в октябре 2007 года* (А. Хохлов // Известия. 20.07.2007).

Характерная черта современных СМИ – ироническое использование некоторых прецедентных антропонимов, прославившихся в советскую эпоху. Имена Павлика Морозова, Троцкого и Макаренко воспринимаются в наше время совсем не так, как в годы тоталитаризма. Ср.:

Когда ночью в общежитии стали дежурить мужчины, в районе действительно стало спокойнее. Порядки, которые завели новые Макаренко и Сухомлинские, оказались даже сильнее увещеваний женщин-педагогов (А. Дуэль // Комсомольская правда. 2.07.2010). *У нас ведь была знакомая семья, где сын подслушал разговор родителей, ляпнувших лишнее, и стал их шантажировать, требуя купить игрушечный паровоз. Павлик Морозов*

хренов! (А. Ванденко. Интервью с А. Германом // Российская газета. 5.03.2003). *Чтобы заслужить благоволение американских властей, нужно прослыть защитником свободы и прав человека, «личным врагом диктатора». Вот Борис Абрамович и примеривает шинель Льва Троцкого* (В. Костиков // Аргументы и факты. 2001. № 36).

В таких контекстах Троцкий предстает как политический эмигрант и борец со сталинизмом, Павлик Морозов – как сын, предавший своего отца, а имена знаменитых советских педагогов используются для обозначения людей, жестоко притесняющих подростков. Разумеется, подобное словоупотребление было невозможно в советскую эпоху.

Специальные наблюдения показывают, что в современной массовой коммуникации сохраняют метафорическую активность и многие прецедентные имена, относящиеся к досоветской эпохе. Особенно активны такие сферы – источники прецедентности, как «наука» (*Кулибин, Ломоносов, Циолковский, Менделеев*), «искусство» (*Чайковский, Репин, Пушкин, Толстой*), «экономика и промышленность» (*Рябушинский, Третьяков, Морозов, Демидовы*), «государственное управление» (*Столыпин, Сперанский*). Ср.:

Недаром говорят, что Россия – страна Кулибиных, а Америка – Эдисонов. Если Кулибин умер в нищете, то Эдисон сделал на своих изобретениях миллионы (Б. Салтыков // Поиск. 12.02.2010). *Лучшие оркестры мира исполняют то, что было написано века назад. А где же новые Чайковские, Рахманиновы?* (М. Плетнев. Где взять Чайковских? // Аргументы и факты. 2009. № 26). *Только вот слушать профсоюзников новоявленные демидовы и морозовы категорически отказались* (В. Клочков // Уральский рабочий. 19.02.2010). *Пятнадцать лет нам внушали, что вот пройдет переходный период, и из пены приватизации явятся новые русские Демидовы, Рябушинские, чуть ли не Третьяковы* (В. Костиков // Аргументы и факты. 2009. № 13). *С помощью олимпиад в вузы смогут поступать 1–1,5 процентов абитуриентов. А то с одним ЕГЭ потеряем Ломоносовых* (И. Ивойлова // Российская газета. 11.04.2008).

Показательно, что во всех этих контекстах прецедентные антропонимы использованы с позитивной эмоциональной окраской: ученые, промышленники, деятели искусств дореволюционной России предстают как своего рода эталон, пример для подражания, которому, к сожалению, не всегда следуют наши современники.

Обращение к материалам постсоветской эпохи показало, что арсенал прецедентных имен, активных в современной массовой коммуникации, продолжает интенсивно пополняться. При этом наиболее продуктивными оказываются четыре смысловые сферы.

Первую группу рассматриваемых метафор составляют прецедентные имена «олигархов» – людей, которые сумели быстро обогатиться в ельцинское десятилетие, однако не снискали народного уважения. Ср.:

Другие, которые не вышли в «абрамовичи», отлынивают от минимальных обязательств. 10 миллионов разведенных «козлов» уклоняются от алиментов. (В. Костиков // Аргументы и факты. 2.04.2008). *Как принято поддерживать автопром эпохи 60–70-х в виде АвтоВАЗА и прочих дерипасок, так и в домостроении будет поддерживаться только панель* (blogs. 20.06.09). *В случае прихода Иванова тоже будет определенная система договоренностей, хотя и менее кардинальная, чем в 1999-м. – Ходорковских и Березовских будет больше получается. – Да нет. Ходорковский в 99-м году тоже входил в систему договоренностей, но оказался нарушителем конвенции* (Диалог В. Жарихина и Д. Орешкина // Известия. 25.07.2007).

Вторую группу метафор, образованных в постсоветскую эпоху на основе имен собственных, составляют имена широко известных политических лидеров постсоветской России (*Гайдар, Горбачев, Ельцин, Жириновский* и др.). Ср.:

Этот «великий поворот» чубайсов и третьяковых, черномырдиных и путинных напрямую связан с мощнейшим давлением русского народа. Они под воздействием русского концентрированного биополя. Кто из них погибнет, а кто останется, не так и важно (В. Бондаренко // Завтра. 4.01.2001). *В контексте заголовка заметки «Россия – родина слонов, жириновских и шандыбиных»* [В. Устюжанин // «Комсомольская правда». 2002] *Удастся ли Обаме эффективно противостоять кризису? Или так называемый «черный Горбачев» развалит Штаты?* (Е. Чиркова // Комсомольская правда. 22.06.2010).

Среди метафор данной группы отмечаются и такие, которые восходят к зарубежному политическому дискурсу (*Дэн Сяо Пин, Барак Обама, Маргарет Тэтчер, Николая Саркози*). Ср.:

А фамилии тех, кто в течение многих лет выстраивал преступные схемы и уводил деньги в офшоры, так и не будут названы. Ведь у них такие должности, фамилии, капиталы! Где ты, русский Обама? (В. Костиков // Аргументы и факты. 2009. №29). *К несчастью, у нас не оказалось своего Дэн Сяопина, как и своего Людвиг Эрхарда* (Ф. Бурлацкий // Известия. 29.03.2005).

Третью группу антропоморфных метафор, созданных в постсоветскую эпоху, образуют прецедентные имена людей, которые «прославились» своими преступлениями, вызвавшими значительный общественный резонанс (*маньяк Чикатило, киллер Солоник, майор Евсюков, в нетрезвом виде расстрелявший в магазине мирных покупателей, полковник Квачков, обви-*

ненный в покушении на Чубайса). Ср.: *Нам важно понять, что вождь народов был серийным Чикатило, который уничтожил десятки миллионов граждан нашей страны. Если бы мы воевали вопреки Сталину, то воевали бы лучше* (А. Лебедев // Комсомольская правда. 04.06.2010). Электронному **Чикатило** — пулю в лоб! (название статьи Андрея Фефелова. — Завтра. 6.06.2007). *Что же остается делать? В осознании собственного бессилия продолжать заниматься рутинными делами? Автономизироваться, уйти в леса, в скиты, прочь от мира? Уехать из «такой страны»? Или стать Квачковым?* (Д. Тукваков. Статья **Квачковым** // Завтра. 2006. № 1). *Для Челябинска Крюков стал вторым Евсюковым, и народ был уверен — лихача накажут по полной* (О. Карпова // Комсомольская правда. 03.09.2010). *Слабо верится, что после участия в выпуске стенгазеты и хорового пения наши «майоры евсюковы» превратятся в доброго участкового Анискина или в дядю Степу* (В. Костиков // Аргументы и факты. 2010. № 11).

Обратим внимание, что в последнем контексте милиционеры советской эпохи (литературные герои Сергея Михалкова и Виля Липатова) противопоставлены сотруднику современной милиции. Впрочем, едва ли справедливо считать, что «Анискины» и «дяди Степы», а также герои телесериала Жеглов с Шарповым — это типичные представители советской правоохранительной системы.

Следует особо отметить, что границы между криминальной и олигархической группами прецедентных имен часто оказываются размытыми. Дело в том, что в нашей стране недавние богачи нередко оказываются среди подсудимых, а их имена (*Мавроди, Ходорковский, Гусинский, Березовский*) становятся символами преступной деятельности, результатом которой стало лишение свободы или вынужденная эмиграция. Ср.:

«Мавроди» из США сядет на 150 лет (Е. Чинкова // Комсомольская правда. 1.07.2009; заголовок заметки об американце Бернарде Мердоффе, который создал финансовую «пирамиду»). **Гуцериев — второй Ходорковский?** (заголовок заметки о проблемах с законом у миллиардера М. Гуцериева; Аргументы и факты. 2007. № 21).

С другой стороны, люди, ставшие знаменитыми как государственные чиновники, в нашей стране переходят в сферу бизнеса и оказываются в числе так называемых олигархов. Своего рода символом такой трансформации стал бывший глава президентской администрации Анатолий Чубайс, который сначала возглавил крупнейшую энергетическую компанию, а в последние годы руководит развитием и внедрением нанотехнологий.

Следующую группу прецедентных антропонимов, активно используемых в современных СМИ, составляют имена, относящиеся к сфере

искусства (или массовой культуры); особенно часто это имена создателей и исполнителей песен. Ср.:

Рассохшиеся рамы гостиницы пропускали пьяные вопли несостоявшихся Лепсов и Успенских (С. Голуб // Комсомольская правда. 8.09.2010). *Конечно, в Петербурге еще не скоро появится новый Виктор Цой, но этот город продолжает оставаться столицей русской рок-культуры* (И. Горбов // Аргументы и факты — Урал. № 32. 2002). *Конечно, в каждом городе нет своих Гундаревых, Табаковых, Гафтов, Филатовых, Ахетжаковых. Комиссия по цензуре, созданная в Тмутаракани из местных безвестных поэтов и чиновников, неизбежно начнет душить все доброе и вечное* (А. Розенбаум // Аргументы и факты. 04.09.2002).

Показательно и то, что в составе прецедентных имен собственных, связанных с постсоветской эпохой, практически нет таких, которые относятся к некоторым ранее активным смысловым группам. В частности, нет столь популярных прежде имен рядовых труженников, не попали в число прецедентных и имена военачальников, руководивших боевыми действиями на Северном Кавказе, и даже имена людей, совершавших подвиги в период второй кавказской войны.

Еще одна характерная черта современного периода — незначительное число новых прецедентных имен, относящихся к сфере-источнику «литература». Имена героев произведений «литература». Имена героев произведений, написанных в последние годы, пока не стали настолько широко известными, как фамилии персонажей текстов Пушкина и Гоголя, Достоевского и Льва Толстого, Чехова и Булгакова.

Необходимо отметить и то, что большинство рассмотренных прецедентных имен оказалось в контекстах с ярко выраженной негативной оценкой. Герои все больше уступают место антигероям.

Показательно, что в конкретных текстах нередко наблюдается сложное переплетение прецедентных имен, восходящих к различным историческим периодам, связанных с различными национальными истоками, относящихся как к миру искусства, так и к реальному миру. Такая организация текста вызывает большой интерес читателей и обеспечивает значительный прагматический эффект. Ярким примером рассматриваемого взаимодействия образов может служить следующий фрагмент.

Кому отдастся Татьяна Ларина?

Каждая эпоха задает свои стандарты жизни, нравственности и поведения. Помните знаменитые слова Татьяны Лариной из пушкинского «Евгения Онегина»? «Но я другому отдана; я буду век ему верна». Нынешнее поколение молодежи оказалось в сложном положении: оно как бы зажато между двумя моделями жизни.

Значительная часть молодежи, которая была «родом из СССР», оказалась в сложном психологическом положении: капитализм рассыпал по улицам массу соблазнов. А как делать жизнь не по **Павке Корчагину**, а по **Биллу Гейтсу**, никто не научил. Научиться жевать жвачку, пить кока-колу оказалось легко. А вот как встраиваться в совсем другую жизнь, где требуется новая энергия, изворотливость, умение держать удар, рисковать и делать собственный выбор?

На первом этапе вживания в новый порядок в мозгах и сердцах современных **Онегинных** и **Ленских** все смешалось. Социологические опросы вскрывали удручающие перекосы молодежного сознания. **Татьяны Ларины** мечтали стать проститутками, **Онегины** осваивали бандитские ухватки, **Ленские** пристрастились к сексу и «травке». И чуть ли не все мечтали стать **абрамовичами** и **ходорковскими**.

За последние 3-4 года ориентиры молодежи стали «остепеняться». Романтика блатного капитализма ушла в прошлое. Что касается «списка **Форбса**», то выяснилось, что он очень короткий и для счастья нужно искать другие места.

Пройдя через испытания кризисом, молодежь подойдет к следующим выборам серьезно повзрослевшей. И задавать себе она будет не вопросы, кто побежит за **«Клинским»** или кто прогремит на очередной **«Фабрике звезд»**, а вопросы совсем другого свойства. Найду ли я в ближайшие годы работу? Удастся ли получить образование? Смогу ли позволить себе создать семью? (В. Костиков. Кому отдастся Татьяна Ларина? // Комсомольская правда. 01.02.2009).

В рассматриваемом тексте удачно взаимодействуют имена собственные, которые используются в основном в метафорических значениях. Одни из них восходят к отечественному дискурсу, другие – к зарубежным реалиям. Многие из этих образов созданы в творческой лаборатории писателя, но их дополняют имена, которые позаимствованы из реальности. Образы современности удачно взаимодействуют с теми, которые рождены советской и досоветской реальностью, что позволяет, говоря о вечных ценностях, использовать контраст между прошлым и настоящим.

Итак, представленное исследование позволяет сделать вывод о том, что в постсоветскую эпоху произошли значительные изменения в сфере прецедентных имен собственных. С одной стороны, в современной массовой коммуникации сохраняются живые связи с опытом прошлого, с тем арсеналом прецедентных имен, который создавался на протяжении многих столетий. Значительная часть этих онимов и до настоящего присутствует в составе общепотребительной лексики, не испытывая тенденции к архаизации. Вместе с тем арсенал

прецедентных феноменов в последние два десятилетия существенно расширился. Он особенно активно пополнялся за счет имен, относящихся к сферам экономики (олигархи), политики и государственного управления (**Чубайс**, **Путин**), журналистики (**Сванидзе**, **Доренко**), криминала (**Мавроди**, **Чикатило**) и массовой культуры (**Лепс**, **Пугачева**, **Киркоров**, **Цой**, **Успенская**).

Вместе с тем существенно изменились смысловые сферы, к которым относятся прецедентные онимы-неологизмы. Среди новых источников прецедентности практически нет столь характерных для советской эпохи имен знаменитых рабочих, военнослужащих, летчиков и полярников. Не проявляют активности в современной массовой коммуникации и имена героев новейшей литературы. Очевидно, эти изменения обусловлены прежде всего трансформацией социальной ситуации, динамикой сфер, которые вызывают максимальный общественный интерес, и, конечно, переходом от тоталитарного дискурса массовой коммуникации к демократическому. Эти тенденции в значительной мере соответствуют глобальным тенденциями развития современной цивилизации.

Несколько лет тому назад Н. А. Кузьмина в рамках исследования интертекстуальности предложила разграничивать в качестве источников текстовых реминисценций два вида текстов. К первой группе относятся **«сильные тексты»**, которые «испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений» (это преимущественно литературная классика, религиозные книги, имена и события, надолго остающиеся в народной памяти). Ко второй группе относятся **«ключевые тексты текущего момента»**, обращение к которым чрезвычайно активно лишь в очень короткий период времени (реклама, шпаягеры, телесериалы, политические и рекламные слоганы и т. п.) [Н. А. Кузьмина 2004]. При всей условности границ между выделенными типами текстов названная классификация отражает достаточно важные их свойства. И создается впечатление, что в современной массовой коммуникации максимальную активность в качестве источников прецедентности проявляют именно «ключевые тексты текущего момента». А чрезвычайно активное обращение к этим текстам, несомненно, способствует быстрому обновлению арсенала прецедентных имен, характерных для современной российской массовой коммуникации.

Можно предположить, что уже сейчас многие ключевые антропонимы тоталитарной эпохи при использовании в современных СМИ требуют лингвокультурологического комментария, поскольку превращаются в архаизмы и историзмы. С другой стороны, можно ожидать, что в скором будущем аналогичная судьба ожидает и антропонимы-неологизмы, относящиеся сейчас

к числу «ключевых слов текущего момента». И, конечно, только в отдаленном будущем станет известно, какие из современных прецедентных имен войдут в «золотой фонд» отечественной прецедентности.

При конкретном анализе имен собственных во многих случаях важно различать онимы-неологизмы и онимы-окказионализмы. В последнем случае имеются в виду вторичные значения, смысл которых понятен только в рамках данного текста, только в рамках определенной ситуации. Ср.:

Окказионализм. В 2007 году в Орел направили нового начальника областной милиции Владимира Колокольцева. Вскоре возбудили громкие уголовные дела против двух вице-губернаторов. Строев все понял... Мы все понимаем, что к каждому ветерану губернаторского корпуса можно послать своего колокольцева, и тот многое нарочет в его ближайшем окружении (Е. Черных // Комсомольская правда. 7–14.10.2010).

В данном случае ближайший контекст свидетельствует, что имя генерала Владимира Колокольцева выступает как своего рода символ угрозы провинциальным топ-менеджерам: его назначение на должность руководителя областной милиции предвещает уголовное преследование политической элиты региона. Показательно, что рассматриваемое имя в традиционном употреблении начинается с прописной буквы, а прецедентное имя в коннотативном употреблении напечатано в данном тексте со строчной.

Высокая скорость исторических изменений, постоянное обновление состава неологизмов и архаизмов, значительное количество окказионализмов и историзмов – характерные черты современной системы русских прецедентных имен собственных. Одни из них приходят на миг, другие – на века, но в целом можно сделать вывод о том, что рассматриваемые метафоры, восходящие к именам собственным, как правило, менее долговечны, чем образы, восходящие к именам нарицательным. И особенности современной российской массовой коммуникации, несомненно, способствуют ускорению названных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон Р. Д. О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти // Политическая лингвистика. 2007. №1 (21).

Башкова И. В. Существительное *кризис* в российских СМИ XXI века // Политическая лингвистика. 2009. № 2.

Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. Русская

политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.

Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–141.

Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. – М., 1998.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи (Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа). – СПб, 1997.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.

Нахимова Е. А. Урбонимы в политической коммуникации: Кондопога и Пикалево // «Политическая лингвистика». 2010. № 2.

Нахимова Е. А. Прецедентные антропонимы в политической коммуникации // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике. Ч. 3. – Кемерово: КемГУ, 2006.

Орлова Н. М. Библиейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 2010.

Осборн М. Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «свет – тьма» // Политическая лингвистика. 2008. № 3.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004.

Фомина З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции. – Волгоград, 1995.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001.

Шачкова И. Ю. Семантика ключевых слов эпохи (эпоха Т. Блэра, 1997–2007): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2008.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М. – Волгоград, 2000.

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Colloquium. 1993. № 1.

Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.